

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

В НОМЕРЕ:

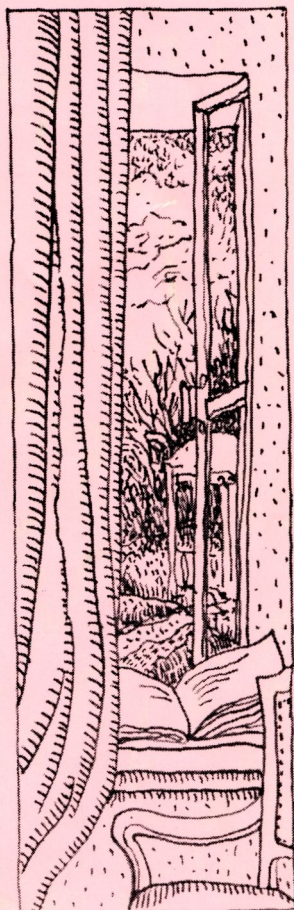
ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ХОЗЯЙСТВО ПРИ И. СТАЛИНЕ: ИДЕИ И
РЕАЛЬНОСТЬ

№6(24)

И.Т. ПОСОШКОВ —
НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Иван Тихонович Посошков — великий русский мыслитель
переломного времени***

Мы не знаем точной даты рождения И. Т. Посошкова, кроме года — 1652, как не дошел до нас и портрет оригинального мыслителя, нет и его личной могилы — на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга, где он был захоронен, судя по некоторым данным, в безымянной братской могиле вместе с такими же, как он, узниками Петропавловской крепости. Правда, мы знаем, что преставился И. Т. Посошков 01.02.1726 г., заморенный голодом, что родился он в с. Покровском, что на реке Яузе под Москвой (давно уже в черте города), во владениях русских царей Романовых, недалеко от таких мест, как с. Преображенское, с. Семеновское, с. Измайлово, но также и от Немецкой слободы, от Лефортова. Знаем мы, что вышел он из ремесленников, сам был ремесленником, а затем и купцом, и предпринимателем-заводчиком. Но заметим, что вышел Посошков из места особого — царского, где и творился во многом сложный XVII в., породивший еще более сложный XVIII в., откуда и происходил образ будущей России, которой суждено было стать Новой Россией, правда, уже не московской, а петербургской. И Русь была там на северо-востоке от Москвы, и Православие, и немцы с их лютеранством, и сам неутомимый Петр, еще юный, но уже заносчивый. Мистическое то было место, и что тут удивительного, что и Посошков оттуда, и А.В. Суворов, будущий русский Марс.

Чего только не видел вокруг себя юный Посошков, чего только не слышал, о чем только не размышлял. Все, конечно, видели и слышали, да не все размышляли. Так ведь на то и гений, чтобы впитывать и думать, решать свои, еще и им самим неведомые задачи. Рос Посошков, росло и его необычное — самородное сознание, выведшее его на путь не одного лишь ученичества, но и учительства — в высшем смысле этого слова, того, что разнится с ученостью и мудростью. Сама родная стихия вытолкнула Посошкова, вознесла его, чтобы посмотрел он окрест своим пронизательным взором и высказался незаурядно, да и не кому-нибудь, а к самому царю обратясь, императору, самодержцу, упрямому преобразователю России. И ведь рассчитывал на что-то вольнодумец: то ли убедиться в чем-то хотел неистового реформатора, то ли почуял уже болезненное желание самого Петра изменить, что-то в своей переустроительной

* Вступительное слово на научной конференции «Начало отечественной экономической науки. К 350 летию со дня рождения И. Т. Посошкова».

работе—уже после казни сына-наследника — кто Знает? И обратился царь мысли к царю действия—помазаннику Божьему, ибо многое уже понимал и сдерживаться уже не мог, да и принял за это по таинственной смерти помазанника, свою не менее таинственную Голгофу — умер узником в крепости, от голода, по приказу самого Александра Меншикова—всесильного послепетровского временщика, человека великого, да вот не помазанника вовсе. Нормальная по сути расправа произошла—пожалуй, что и с пророком—человеком русским и глубоко православным. А Россия петербургская тогда в западные одежды рядилась, Европой все хотела стать, антирусскостью тяжело болела. Что ей был Посошков, что его самобытное мировидение, что его русский проект для России! А если и был в чем-то виноват Посошков —человек, купец, предприниматель —перед властью предрешенными, это все равно никак не главное, а лишь предложное, что, однако, нам неизвестно, зато гораздо яснее тут как раз погибель за слово — ненужное дерзким и ничтожным в своих хотениях петербуржцам. Вот и стал Посошков мучеником за правду, каких много бывало на Руси, дай потом было —никогда не смолкала ни домосковская, ни московская, ни петербургская, ни снова московская голгофа, иной раз и совсем уж стесненная —от казней. Кровью оплачивается русскость. Кровью заплатил за нее и Посошков, и забвению подвергся, а если и не забвению, то уж умолчанию, умалению, искажению.

Это М.В. Ломоносов, тоже русских гений из народа, возродил для нас И.Т. Посошкова, вызволив его из тишины и искренне им восхитившись. А потом Погодин, переведший Посошкова на современный русский, а потом, —уже при И.В. Сталине, обратившемся кое-как к Отечеству, к почве, —вновь явился Посошков к читателю, заняв прочное место в истории отечественной мысли и словестности.

Однако не все тут было просто.

И.Т. Посошкова нужно было куда-нибудь определить —по характерной для истории наук манере. И стал наш органичный и целостный мыслитель, к тому же публицист и литератор, не то что философом, но и экономистом, юристом и политологом, попав в соответствующие историко-научные курсы, став представителем разных наук, о чем, собственно, и не помышлял. Вряд ли Иван Тихонович считал себя даже философом, ибо в его время господствовала еще нерасчленимая универсальность: думалось тогда о чем хотелось, как соответственно и писалось, и охват был воистину круговой по всему размыслительному горизонту. Это потом пошли научные профессии и специальности, отдельные науки, как и разные названия и знания, а тогда было как раз то, о чем сейчас

приходится лишь мечтать, а в лучшем случае мучительно преодолевать разделение мозгов и душ, раздробленность сознания.

Однако факт: Посошков оказался у истоков рада наук — экономической, юридической, политической и даже военной, даже не помышляя обо всем этом, ибо мысль его была просто мыслью, а не размещенными в некую матрицу обособленными ее элементами — наподобие менделеевской таблицы. Цветущей сложностью — по меткому выражению К. Леонтьева—был наш Иван Тихонович Посошков. И это важно иметь в виду: Посошков мог еще позволить себе уходить в смысловые глубины, не заботясь о том, соответствуют ли его мысли тому или иному научному строю, не говоря уже о научных направлениях и школах, как и не обращая внимания на то, что скажут о его заключениях обремененные познаниями и неведением коллеги по научным цехам, занимающие круговую по цехам же оборону, не думая особенно и о правильных терминах, используя свободно те слова и выражения, которые кажутся просто подходящими и жизнеспособными. Да, было время — на заре наук, но еще при прямом размыслительном солнцестоянии. Не надо было думать тогда о синтезе науки, философии и религии, о междисциплинарности, о холизме, ибо чуткая религиозная душа обозревателя-мыслителя непринужденно сочеталась в творческом союзе с жизненным опытом и книжными научениями, еще не ставшими—вовсе непознаваемыми «вещами в себе», от которых давно уже веяло бы заправленной нафталином сухой мутой. Что ни говори, а совсем даже не плохой была эра преднауки, когда мыслитель мог свободно уходить в точку обратной перспективы, с которой ему было видно все, и все сразу, а сидение на позиции прямой и специализированной перспективы ему никак не угрожало. Отсюда и возможность той самой волшебной медитации, что ведет познающее сознание алгоритмами метасмыслологии, а не расчетливого, но очень уж холодного, беспристрастного, к тому же и поверхностного исследования.

В какую-же метасмыслологию погружался Посошков? Русский и православный, болеющий за Отечество, он мог входить прежде всего в метасмысловую сферу родной ему Руси — России, а уже через нее—мира вообще и бытия вообще. И вот, что важно: не отстраняясь от изменяющегося настоящего, как и вглядываясь пристально в будущее, Посошков желал всей душой развития Руси — России, и вполне самобытного, но не просто учитывающего особенности страны, а как бы выходящего из ее метасмысловых глубин. Вот почему у Посошкова нет крайностей, а потому и односторонности, нет флюсов, более того не пахнет и какой-то нарочитой системой, якобы все и вся учитывающей, а на самом деле оскопляющей

щей, — у Посошкова сама цельность, однако цельность в разнообразии аспектов, граней, полосов, т. е. сложная цельность, вовсе не монолитная. И вполне естественно, что у Посошкова необходимо уживаются и экономика с государством, и сословия с налогообложением, и предпринимательство с крепостным правом (ограниченным и регулируемым), и финансы с их государственной организацией, и производство рядом с торговлей, « свобода с регламентацией, и внутренний рынок с внешним, и открытость границ наряду с протекционизмом, и т. д. и т. п. Все органично, все причинно, все в гармонии. И вот это-то гармоничное, т. е. как бы в духе «устойчивого развития», и предлагал Посошков своему царю и своему отечеству, мысля будущую Россию совсем не так, как ее видели, не видя, по сути, ее бодрые реформаторы. И разве это не современно! — не те же ли у нас реформаторы, не та же бестолковость, не тот же грабёж, не тот же хаос, не та же ли кровь? Нет, не смог наш великий мыслитель убедить в своей правоте властей предрежащих, что и понятно — разве может что-нибудь воистину разумное, да еще и доброе, захватить власть, как и элиту, как и вообще все это серое большинство, которое наполняет собой земные просторы, стесняя их до клеточного состояния, — нет, не может! И остается посошковым быть утопистами-реалистами, поскольку их учения и проекты, будучи совершенно жизненными, не воспринимаются той самой жизнью, от которой они призывают уйти. И не посошковы тут виноваты, выдумавшие что-то нелепо фантастическое, а сама эта жизнь, до посошковых никак не дотягивающая, ибо такая вот она — окаянная! И конец посошковым готовят всегда соответствующий: насмешки, неземчание, забвение, а то и попросту смерть. Ничего не ново и не старо в этом плане под луной!

И, однако, И. Т. Посошков вошел в историю отечественного самосознания, — вовсе не каким-нибудь «истом» (с «ист» на конце), а самостоятельным, богатым и живительным, т. е. и вполне русским *источником* (с «ист» уже не в конце, а в начале), источником мысли, добра и надежд. Не пошел Посошков, к примеру, на оправдание экономического человека — *homo economicus*, а стал выводить иного хозяйственного субъекта — нравственного, ^ е. *homo moralis*, за что и был оценен, в частности, С. Н. Булгаковым, тоже ратовавшим за нравственность в хозяйственной жизни, но уже в эпоху полного господства законченного *homo economicus*. — в ужасе о него отпрядывая, как и вообще от торжествующего экономизма. И устремился Булгаков как раз к синтезу, к той цельности и организованности, которой обладал Посошков, но которую уже растеряла, разбросав по своим многочисленным сусекам, наука. И не был ли И. Т. Посошков пред-

течей С.Н. Булгакова, его вдохновителем — на пути к *философии хозяйства*, которая обращалась именно к органичности и цельности, к нравственности и духовности, утраченными наукой? И если Булгаков стал *после-научным* философом хозяйства, а потому и ее вполне сознательным основателем, то Посошков был, по-видимому еще пред-научным философом хозяйства, того нисколько и не осознавая. И вот нам кажется, что Посошков был сначала философом хозяйства, в которое у него входило практически все — и экономика, и производство, и торговля, и право, и политика, и военное дело, и Домостроительство, вообще вся жизнь человека, все создаваемые им устои, даже и все реформы, а потом уже, после, так сказать, философии хозяйства, Посошков был, а лучше сказать, стал — в воображении потомков — экономистом.

Да, в нынешнем понимании Посошков действительно был экономистом, как и юристом, и политологом, наверное, и социологом, но главное было все-таки в том, что он был универсальным мыслителем более, пожалуй, донаучного, чем собственно научного типа, — и если Посошков стоял у истоков наук, то не как «научник», тем более, не как научный работник, а как сверхнаучный мыслитель, из размышлений которого, или как-то через них, возникли впоследствии науки, которых он не основывал, но которые родились не без его плодотворного участия.

И Т. Посошков — уникальная личность, вполне заслужившая вневременного местоположения в истории России, ибо не было еще момента, когда бы она не была современной. И либерализм у него, и дирижизм, и феодализм, и капитализм, и этатизм, и меркантилизм, чего только нет у Посошкова, но главное, что сам Посошков, точнее, его идеальный мир, не подпадает ни под какие классификационные определения. Гений, он и есть гений, правда, с одним все же неоспоримым квалификационным признаком — русский гений, православный!